

ВИКТОР БЫЧКОВ

Петька с Высел

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Виктор Бычков

**Петька с Выселок.
современная повесть**

«Издательские решения»

Бычков В.

Петька с Выселок. современная повесть / В. Бычков —
«Издательские решения»,

После трагической смерти родителей мальчик попадает в детский дом. Всё время его не покидает надежда вернуться на свою Родину. Мечта его сбывается. В этом ему помогают друзья, старшие товарищи.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петька с Выселок
современная повесть
Виктор Николаевич Бычков

© Виктор Николаевич Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Мальчик проснулся от сильной боли: голова раскалывалась, отдавало в виски, и ещё было ощущение, словно глаза тоже кто-то невидимый и неведомый выталкивает из глазниц. Перехватил горло пальцами вокруг кадыка, нащупал артерии, немножко сдавил: так становилось чуть-чуть легче, боль отступала на мгновение. Этой процедуре по снятию боли его научили старшие товарищи, те, кто уже был подвергнут принудительному лечению в этом заведении, только чуть раньше.

Вот уже несколько дней, как его привезли из детского дома-интерната в город, в психоневрологический диспансер для детей, и все время колют уколы и дают таблетки – это от них так сильно болит голова. Но он знает, что скоро все пройдет, лишь в голове останется сплошной гул, словно отзвуки колокольного набата. Потом и он уйдет, наступит полное безразличие, исчезнет желания не только что-либо делать, но и говорить, и даже просто открыть глаза не будет необходимостью. Да еще появится тошнота. Головная боль, шум и тошнота будут продолжаться две недели, пока не закончится курс лечения. Потом, постепенно всё сойдёт на нет, организм снова войдёт в обычное состояние.

Он не болен, нет! Это такой способ воспитания, способ усмирения непокорных.

Первый раз мальчика привезли сюда, когда он пошел в первый класс в начальной школе при детском доме.

В тот день у них был урок физкультуры. Учительница показала, как надо ходить «уточкой», присев на корточки и уперев руки в бока, переваливаясь сбоку набок.

Мальчик очень хорошо помнит, какое отличное настроение было у него на том уроке: то ли оттого, что солнечный день; то ли оттого, что не надо читать и писать, а вот так бегать, ходить, развлекаться; то ли еще по какой причине, но ему было очень хорошо и весело. А еще ему нравилась учительница Наталья Павловна: высокая, стройная в спортивном костюме и, как ему казалось, очень добрая. Именно такой он представлял свою маму и где-то глубоко-глубоко, на самом доньшке детской души жила надежда, что она и есть его мама, только до поры до времени по какой-то причине не хочет говорить об этом.

И вот на том уроке он решил сделать так, чтобы она обратила на него внимание и похвалила. Ему так хотелось. Он ходил «уточкой» не лучше и не хуже других учеников, но так хотелось, чтобы его выделила, заметила самая добрая и красивая учительница. Ничего такого выдающегося на ум не приходило, тогда мальчик встал на четвереньки, изображая собачку, и стал облаивать «утиное стадо» – своих одноклассников.

Учительница своеобразно оценила поступок мальчишки.

– Встань, тварь!

До него не сразу дошло, что это она так к нему обращается, назвала так его, Петьку Мохова. Потому-то и продолжал глупо улыбаться, стоя на четвереньках, глядя на Наталью Павловну. А она подбежала, схватила за ворот рубашки, оторвала от пола, отшвырнула Петю от себя. Подняла и бросила как какой-то гимнастический снаряд, а не семилетнего ребенка: жестоко, грубо, сильно и умело, словно ее учили этому всю жизнь.

– Встань, скотина, кому говорю! – красивое лицо вдруг исказилось, превратилось в грубое, страшное, неприятное. Даже накрашенные губы сморщились, рот искривился, глаза стали злыми-презлыми.

Оказывается, не такая она и добрая.

Мальчик очень сильно ударился коленкой и локтями о деревянный пол спортзала, но не заплакал, а только поморщился, сжав зубки от боли. Он привык к боли еще с детства, с первого дня пребывания в детском доме: если тебя бьют, и ты плачешь, значит, будут бить

очень часто просто так, чтобы увидеть твои слёзы. А если стерпишь, не издашь ни звука, тогда от тебя отстанут и трогать больше не будут.

Он не плакал и в тот раз, это сами слезинки без его согласия покатались по щекам. Да совершенно другими глазами смотрел на учительницу. И были в том взгляде непонимание, разочарование и обида.

Но Наталья Павловна, возможно, увидела во взгляде ребёнка что-то другое, потому как закричала истошно:

– Уберите от меня это животное! – вопила она на весь спортзал. – Он сейчас набросится на меня. Это зверь!

И тогда до него стало доходить, что шутка не так понята, что учительница на самом деле рассердилась. Но ведь он ничего плохого ей не сделал и не собирался делать, а просто пошутил! Тогда почему она так плохо говорит о нем? Почему его ударила? Ведь она хорошая и похожа на маму. А разве мамы бывают плохими? Конечно, нет! Об этом расскажет любой детдомовец, кого ни спроси!

Сначала прибежал учитель физики, сгреб его подмышки и вынес из спортзала. Мальчик даже не сопротивлялся: за время своего пребывания в детдоме он понял, что сопротивляться учителям и воспитателям нельзя – за это будут страшно наказывать. И старшим ученикам тоже не надо перечить – будут бить. Поэтому и молчал, а только изредка бросал взгляд исподлобья на учителей да слизывал капельки крови, что текли с локтя к ладоням. Ему было жаль собственной крови. Сильно саднили колени – через брюки тоже проступала кровь, они повлажнели и, подсыхая, прилипали к ранам, оттого мальчик не решался сдвинуться с места, чтобы не причинить себе лишнюю боль.

– Вот посмотрите, посмотрите на него, – кричала Наталья Павловна, тыкая в учительской в мальчика. – Разве умный человек будет лизать кровь? Нет, конечно! Это зверь, я вам говорю – зверь!

– Может, перебинтовать ему рану? – робко спросила учительница труда у девочек Елена Анатольевна. – Или обработать йодом?

– Заживет, как на собаке! – авторитетно заверил физик. – Дураки боли не чувствуют, это вам скажет любой мало-мальски образованный человек.

– Откуда ты к нам попал такой злой, такой ненормальный? – учительница физкультуры спрашивала, стоя на расстоянии, словно боясь подойти ближе. – Тебе надо было быть в дурдоме, а не в детском доме. Это психически неуравновешенный ребёнок, коллеги. Говорю вам авторитетно. Откуда ты такой?

– Я – Петька с Выселок! Петька Мохов!

В его памяти смутно-смутно всплывает эпизод, где видит себя на руках у какой-то старушки, вокруг них люди в форме, как он поймет позже – милиционеры, и много незнакомых тетенок. И голос бабушки: «Ты – Петька Мохов. С Выселок! Запомни, внучек!». А лицо бабушки морщинистое-морщинистое, все в слезах! И доброе! Это все, что помнит мальчик из своего детства.

Вот и сейчас он ответил именно так, как привык отвечать: Петька с Выселок.

В это время прозвенел звонок на перемену, и в учительскую стали входить учителя.

Он стоял в углу, зажавшись.

Это не первое посещение им учительского кабинета, опыт уже был. Мальчик приготовился к самому худшему – будут бить. В лучшем случае – надерут за уши. Это уже не так страшно. Не впервой.

– Что ж ты, нахаленок, начинаешь свою учебу с таких проступков? – учитель истории Мирон Семенович только что зашёл в учительскую, тыкал острым концом указки в грудь мальчишке. – Далекое пойдет юноша, если мы вовремя не примем меры, товарищи учителя, – обратился уже ко всем присутствующим.

К нему подошла Елена Анатольевна, присела, стала вытирать слезы надушенным носовым платочком.

– Тебе больно, Петя? – тихо, участливо спросила она, жалостливо глядя по голове.

Но он резко отстранился, весь сжался, нахохлился и застыл в такой позе, взирая на окружающих исподлобья.

– Ещё чего? – процедил сквозь зубы.

На самом деле сильно саднили локти и колени, однако мальчик заставлял себя не обращать на это внимания, терпеть. Только не показать, что ему больно и что он испугался – только не это!

– Я же говорю, что это звереныш! – Наталья Павловна в очередной раз рассказывала коллегам о том, как она спасалась от него на уроке. Из ее рассказа следовало, что он пытался наброситься на неё, и она была вынуждена защищаться.

– Это неправда! – наконец, закричал мальчик. – Вы врете! Я только полаял на своих одноклассников! Я пошутил!

– Вы слышали? – заверещала учительница. – Разве может нормальный ребенок лаять на уроке?

– Вы врете, врете! – мальчик понял, что его защищать здесь никто не будет и ему придется делать это самому. – Вы врете, я вам ничего плохого не сделал, а вы меня ударили!

– Вы слышали? А что я говорила? – Наталья Павловна тяжело опустилась на стул и схватилась за голову.

– Вы врете! – стоял на своём Петя.

– Как ты смеешь так разговаривать с учительницей, с женщиной, наконец?! – учитель физики отвесил подзатыльника мальчику. – Извинись сейчас же!

В это мгновение дверь в учительскую приоткрылась, и в проеме появилась рыжая головка с бантиком.

– Петя, ты только не ругайся, не зли никого, терпи! – его одноклассница Анка Грязева по кличке Заморыш умоляюще смотрела на мальчика. – Я буду тебя ждать в коридоре, – громким шепотом успела сообщить она.

– Закрой дверь, негодница! – завуч Ирина Михайловна вытолкнула девчонку и с силой захлопнула дверь. – Мне все понятно, товарищи учителя. Сейчас сюда придет наш психоневролог Лидия Васильевна, и мы будем решать, что нам делать с этим типом. Вы правы, Мирон Семенович! Если не принять кардинальных мер сразу, потом мы с вами поплачем, и еще как!

Мальчик знал, что психолог Лидия Васильевна, которую все детдомовцы называют за глаза «психичкой» и страстно желали ей самой хоть раз полечиться у настоящего психолога, ни за что не станет разбираться, а сразу назначит лечение в психоневрологическом диспансере в городе. Так было всегда, и для него никто не сделает исключения. Поэтому ему всё вдруг стало безразличным, даже боль в коленках и в локтях как будто отступила и уже не так давала о себе знать.

– Выйди в коридор, Мохов, и дожидайся там, тебя вызовут, – завуч взяла ребенка за плечи и выпроводила из кабинета.

– Тебя не били? – Анка подбежала к мальчику, участливо заглядывая в глаза. – Тебе больно, сильно больно?

– Скажешь еще! – Петя шмыгнул носом, презрительно циркнув сквозь редкие зубы на крашеный пол коридора. – Да-а, по башке слегка физик прошел, а так ничего, не били.

– Вот и хорошо, Петя! Ты только не спорь с ними, тебе же хуже, – наставляла девчонка, ласково поглаживая его по спине.

– Ты кого учишь, Заморыш? – Петя резко отстранился от Ани.

– Опять ты за старое, – обиженно надула губки девочка и отвернулась к стене, чтобы скрыть набежавшие вдруг слезы.

Она искренне переживала за него, волновалась, прибежала следом, чтобы помочь ему, а он...

– Никакой я не Заморыш, а Анютка Грязева, – заревела вдруг от обиды, размазывая слезы по щекам.

– Ты это... перестань, – мальчику стало неудобно, неловко, что из-за него плачет Анютка, да и вообще кто-то за него переживает.

– Не надо, не плачь, – все же пересилил себя. – А то я не знаю, что надо делать. И Заморышем тебя все называют, и я тоже.

– Другие – бог с ними, я на них не обращаю внимания, – Аня повернула к Пете заплаканное лицо. – Но ты-то другой, ты хороший! Очень хороший! – зачем-то добавила она.

– Да? – удивленно воскликнул мальчишка. – Только что меня называли нахаленком, зверем, животным, а ты говоришь, что я хороший.

– Неправда! – горячо воскликнула девочка. – Это они нехорошие! Они сами такие! А ты хороший, очень хороший!

– Скажешь тоже, – засмутился мальчик, подошел к большому зеркалу, что висело в школьном коридоре. – Обыкновенный я. Как все.

– Неправда. Ты – лучший, – из зеркала на них смотрела девочка в синем легком платьице с белыми цветочками, с бантиком на самой макушке рыжей головки, с таким же рыжим, в веснушках лицом и с огромными, удивленными голубенькими глазами на нем, смешно торчащими ушами. И рядом с ней коротко стриженный, лопоухий мальчик с чуть припухлыми губами, облезлым носом, скуластым лицом с ямочкой на бороде.

– Ы-ы! – Петька показал язык Анькиному отображению, улыбнулся.

– Сам такой, – уже весело воскликнула девчонка и в ответ высунула свой язычок.

В это время прозвенел звонок на следующий урок, и Аня убежала, успев дать напутствие Пете:

– Ты только не груби, со всем соглашайся. А диспансера не бойся – ты сильный, все выдержишь!

– Иди уже, опоздаешь, – легонько подтолкнул ее. – Беги, беги! Без соплей сварим клей!

– А с соплями – лучше! – не осталась в долгу девчушка.

Мальчик хорошо помнит тот разговор в канцелярии, когда пришла психолог. Слова «агрессия, агрессивность, опасен для общества» не сходили с уст Лидии Васильевны.

– А может, ребенок от шалости, от избытка чувств так поступил? Дети – народ эмоциональный, – робко заметила учительница по труду Елена Анатольевна. – Это же ребенок.

– Вот что, милочка моя! – категорическим тоном начала завуч. – Прежде чем идти поперек мнения коллектива, вы вспомните, за какую сумму расписываетесь в ведомости в конце месяца! Вас здесь никто не держит! Желающих занять ваше место целая уйма за воротами стоит!

– Что вы, что вы! – засмущалась, занервничала учительница. – Да я что? Да я как все!

– Ну, вот то-то, а то умников больно много стало! – закончила Ирина Михайловна. – Ещё мамкино молоко на губах не обсохло после пединститута, а туда же, советовать собралась старым, опытным кадрам.

На второй день Петя уже был на окраине города, где в сосновом бору расположен психоневрологический детский диспансер. Сопровождала его врач-психиатр Лидия Васильевна. Она же ходила по кабинетам, а он оставался сидеть в коридоре, ждать.

Перед отъездом в диспансер вечером к ним в спальню набилось толпа старшеклассников. Петька только успевал слушать. Наперебой они рассказали, как надо вести себя в боль-

нице, как избегать уколов, таблеток. Вспоминали свои истории, делились опытом, давали характеристики лечащим врачам.

– Запомни, малыш, на всю жизнь: здесь, в детском доме, и тем более в психоневрологическом диспансере, ты – никто и зовут тебя никак. Не качай права и благополучно доживёшь до совершеннолетия. А там... – ученик девятого класса Никита Ушаков развёл руками, – а там всё будет зависеть только от тебя.

– Не буянь, не ори, терпи и молчи. Все пройдет. Ничего страшного. А не то – испортят твои бумаги, всю жизнь из «дурки» не вылезешь, не отмоешься.

Петя усвоил хорошо наставления товарищей. Поэтому надо терпеть. Только так можно остаться человеком.

Боль потихоньку начала отступать, в голове прояснялось, исчезал шум, и глаза возвращались в нормальное состояние. Зато появляется безразличие. Нет ни малейшего желания что-либо делать, шевелить рукой, ногой. Остается лежать в забытии между сном и явью, и ждать.

А лучше всё же думать.

Теперь он второй раз здесь, в диспансере.

Где-то в девчоночьей палате лежит и Анка, Анечка, Анютка. Мальчик вспоминает о ней, и улыбка трогает губы. Надо сходить проведать, только сделать это нужно так, чтобы никто не увидел. Не исключено, что «психичка» понарасказала врачам всяких гадостей о них, и те будут препятствовать встречам.

Петя заставляет себя подняться, сесть на кровати, свесив ноги. Нет, голова еще кружится, идти опасно, да и тошнота всё ещё подкатывает к горлу. Надо полежать, набраться сил, ещё не время вставать и ходить.

Он вдруг вспомнил, как тогда, в первый раз, вернулся из диспансера. Как его встречали! А как он шел?! Как герой! Даже старшеклассники подходили, хлопали по плечу и здоровались за руку как с равным себе.

Он заметил Аню первой, отыскал эту рыженькую, огненную головку сразу, только не подошел, не поздоровался, а издали, еле заметно кивнул головой, чтобы никто не догадался. А она всё поняла, зарделась вся, закрыла руками лицо и убежала. И ему стало так хорошо, покойно, как никогда еще не было. И тогда он впервые понял, что вернулся к себе домой, где есть такая девочка, как Анютка, и которая его ждала. А это так приятно, когда тебя где-то кто-то ждет, переживает за тебя.

Потом была учеба. Они сидели с Аней за одной партой. Как посадила их вместе в первом классе учительница Елена Федоровна, так до сих пор они и сидят. Чего только не наслушались и от учеников, и от учителей?! Был период, когда даже насильно рассаживали, запрещали встречаться.

Мальчик повернулся на другой бок, открыл глаза и долго смотрит в окно. В палате стоит шум, толчея, но его ничего не задевает – он настроился думать, вспоминать. Если не заставлять себя хотя бы думать, то можно отупеть, на самом деле сойти с ума.

Аня с Петькой договорились с первого класса, что будто бы они брат и сестра. Это она так предложила на перемене еще до Нового года, когда он уже вернулся с лечения в диспансере.

Одноклассник Мишка Перегудин первым обратил внимание на их отношения.

– Жених и невеста! Жених и невеста! – бегал вокруг них, корчил рожицу.

К нему подключился весь класс. Все орали, тыкали пальцами, дразнили, а то и норовили толкнуть. От отчаяния мальчик не знал, что делать, и готов был уже вступить в драку, но тут на помощь пришла Анютка.

Взобравшись на парту, с серьезным выражением лица и совершенно спокойным тоном произнесла:

– Чего вы шумите, дурачье? Успокойтесь! Разве могут быть женихом и невестой брат и сестра? – ее рыжая мордашка победно взирала с высоты на в миг сконфузившихся одноклассников.

Класс мгновенно замер: слишком много таких историй в детском доме, чтобы в это поверить. Вот и тогда не поверили, однако дразнить перестали, и мальчик не раз ловил на себе задумчивые взгляды своих однокашников, особенно девчонок. Теперь-то Петя понимает, что ни одна живая душа в классе не поверила их выдумке, но все очень хотели, чтобы так было, поэтому-то и приняли вранье за чистую монету.

С того дня класс встал на их защиту. Иногда это делалось неумело, грубо, но зато всегда искренне.

А они и правда стали как брат с сестрой и больше не разлучались ни на один день. Только на ночь расходились каждый в свою спальню, а днем опять были вместе.

– Пиши аккуратней, Петр, – строго выговаривала Анька на уроках, заглядывая в тетрадку соседа. – Ты вечно спешишь, – шипела на него. – И буквы у тебя пошли на раскоряку.

– Ты лучше сама пиши, – отвечал мальчик, потому что у девчонки в тетрадке ещё не было написано ни буквы. – Вот поставят тебе единицу, узнаешь потом, училка!

– Успею. Это я за тебя волнуюсь, переживаю.

– Вот еще, да ты просто списываешь у меня!

– Больно надо! – обижалась она и отодвигалась на другой край парты, чтобы через минуту опять проверять Петьку. Анютка не умела долго злиться.

Так было всегда и на всех уроках. Петр уже привык к такой опеке и не мыслит себя без подсказок и наставлений подружки.

В этот раз их вместе везли в диспансер, в одной машине. И всю дорогу Анка только тем и занималась, что убеждала его терпеть, вести себя хорошо, быть мужественным и умницей. Словно ей будет легче.

Надо сходить к Анютке. Вроде как стало намного легче.

Мальчик снова сел на кровать, свесив ноги. Голова не кружилась, была чистой, ясной. Можно идти. Сколько времени? Посмотрел на часы, что висят в коридоре, – значит, обед уже прошел. Ну и ладно, все равно есть особо и не хочется. Только почему-то коридор пуст? Ах, да! Тихий час.

Стараясь ступать тихонько, он прошел взад-вперед у палаты девчонок, где лежала Аня. Никто из нее не выходил, хотя и шум, и голоса были хорошо слышны. Значит, еще не спят. Приоткрыл дверь, заглянул в палату. Его заметили, и оттуда раздался такой крик, такой визг, как будто он бросил туда дохлую крысу.

– Тю-у-у, заполошные, – только и успел вымолвить мальчик, как чей-то тапок шлепнулся по ту сторону двери. – Бестолковые! – добавил уже на ходу, а сам поспешил к своей палате.

– Петя, Петя! – звенящий шепот застал на лестнице. – Петя, подожди! – к нему приближалась небольшого роста девчушка.

– Аня просила ждать ее на входе в туалет, – таинственно прошептала она и тут же скрылась обратно в палату.

Мальчик спустился вниз, поздоровался с охранником, молодым парнем, что сидел на вахте.

– Добрый день, трудяга, – бросил небрежно, проходя мимо.

– Э-э, постой-ка! Ты новенький? Я что-то тебя не знаю.

– И я тебя первый раз вижу, – Петя остановился, повернулся к охраннику. – Тоже, наверное, новенький?

– Ага! Второй месяц работаю. Слышь, у меня к тебе просьба, – наклонившись к Петьке, зашептал на ухо. – Ты не сможешь меня подменить на часок-другой после отбоя? Надо позарез!

– Вообще-то могу, только что скажет дежурный врач?

– Не твоя забота. Я договорился. Так как – по рукам?

– По рукам! – мальчик не верил своему счастью: значит, они с Анюткой смогут спокойно общаться!

– Почему не был на обеде? – девчонка на мгновение прижалась к Петьке и тут же отпрянула назад – по коридору в сторону туалета шла медсестра.

– Плохо себя чувствовал, голова сильно болела.

– Эх вы, мужики! – Аня смерила презрительным взглядом собеседника. – Слабаки вы, вот кто! Нам вместе делали уколы, а ты расслабился.

– Да не ругайся ты, никакой я не слабак, – Петьке не понравился нравоучительный тон девчонки. Это его задело. – На самом деле было плохо. И потом я думал.

– О чем же ты думал, Петенька? – кокетливо склонила головку набок, теперь уже с нежностью смотрела на мальчика.

– Ни о чем, а о ком, Аннушка. О тебе, о нас.

– Вот еще! Не забивай голову глупостями.

– Это не глупости, а мне серьезно было больно и плохо.

– Ну и что? Тебе ли к этому привыкать? – не отставала она от паренька. – Ты же знаешь, и мы с тобой это давно обговорили, что для преодоления этих лекарств организму нужны силы. Понимаешь, си-лы! Откуда они появятся, если ты не ешь? А ты раскис.

– Ну, хватит, Анютка, – наконец, взмолился мальчик. – У меня новость: охранник попросил за него посидеть после отбоя часок-другой.

– Поняла. Я приду. Встретимся на ужине, – добавила уже на ходу, убегая.

Опять лежал на кровати, вспоминал случай в интернате, после которого его и Аннушку отправили в психоневрологический диспансер.

Им уже по шестнадцать лет. Паспорта получили ещё два года назад. Считали себя взрослыми, самостоятельными людьми. Да такими они и были на самом деле. Та же Анка незаметно превратилась из подростка во вполне себе взрослую барышню.

Однако, не один он стал замечать в девчонке разительные перемены. Учитель физики Павел Павлович тоже. То нечаянно прижмется к ней, то щипнет незаметно, а то в темном углу и полапает за груди. Обо всем этом она, Анютка, рассказала Пете. Просила его не вмешиваться, не делать хуже. Она сама справится, обязательно справится. Но не смогла. Пришлось и Петьке вмешиваться. Вот после этого они с Аннушкой и оказались здесь.

В тот день был воскресник, и он вместе с ребятами из класса убирал территорию во дворе интерната, копал ямки под саженцы.

– Я видел, я видел! – первоклассник Федька Грибов схватил Петьку за рукав, и буквально тащил за собой. – Он, он затолкал Аньку в кабинет, я видел! Она сопротивлялась, орала, а он толкал!

– Что ты видел? Кто затолкал, в какой кабинет? – не сразу понял, о чем с таким жаром рассказывает Федя.

– Аньку твою физик в свой кабинет поволок. Она еще верещала на весь коридор, – смог, наконец, толково объяснить мальчишка, не переставая тащить за собой Петьку.

Как был с лопатой в руках, без раздумий Петя кинулся на второй этаж, до кабинета физики.

– Не-е-ет, не-е-ет, не-е-ет! – крики Анютки, его Анютки из-за двери не оставляли никаких сомнений.

Он уже ни о чём не думал. Крик Ани требовал мгновенных действий.

Рванул дверь на себя – заперта!

Из всей силы, с размаху ударил лопатой по двери.

– Отпусти ее, скотина! Убью! – и продолжал бить и бить в дверь.

Опомнися, когда на руках повисли его одноклассники Ванька Петров и Сергей Коновалов. Отняли лопату.

На крики и шум сбежались учителя и ученики. Еще через час они с Анкой стояли в кабинете директора и выслушивали физика о том, как он по настоятельной просьбе Грязевой зашел к себе в кабинет, чтобы проконсультировать ее перед экзаменами, а этот бандит Мохов залетел с лопатой и хотел убить его, оскорблял самой страшной площадной бранью.

Там же, в учительской, пообещали, что после курса лечения его привлекут к уголовной ответственности. Потом, в тот же день в интернат приходил милиционер, допрашивал и Петьку, и Аннушку. Все интересовался, как это и зачем они сговорились опорочить честное имя порядочного человека, учителя, примерного семьянина Пал Палыча Рогова?

...У охранника был график сутки через двое, и каждый раз во время дежурства он исчезал почти на всю ночь. Приходил, довольный, к утру – часам к четырем-пяти. Все это время Анка и Петя были вдвоем. По телефону узнали расписание автобусов: решили уезжать утренним рейсом. Возвращаться обратно в интернат не было резона: что стоило выполнить угрозу и отправить их в колонию для несовершеннолетних? Вот этого и боялись больше всего.

Подготовились основательно: из столовой набрали пакет хлеба, соль и сахар в кулечках сначала хранили под подушками, накапливали, одежду из гардероба вынесли и спрятали на территории диспансера, подсчитали деньги, что копили почти два года. На первое время должно хватить.

Воспитанники интерната, которые в это время находились здесь же на лечении, по только им ведомым признакам догадались, что Анка и Петька будут убегать из больницы, и молча несли свои порции сахара, хлеба, пакетики чая, даже деньги. И ничего не спрашивали, не говорили – несли и отдавали. Молча.

Глава вторая

Автобус бежал навстречу восходящему солнцу, пассажиры дремали, свесив головы. В салоне играла тихая музыка.

Петька сидел сзади, Анка – на первом сиденье. Они заранее договорились ехать порознь: если кинутся их искать, то будут в первую очередь обращать внимание на парочку – мальчика и девочку. А так – мало ли кто и куда едет.

Дорога петляла, вскарабкивалась на пригорки, потом резко бежала вниз, двигатель урчал, убаюкивал. Посадки вдоль дороги чередовались с распаханными полями, с ползающими по ним тракторами; стада бродили в низинах, зеркалом отсвечивали блюдца небольших озерков с ранними рыбаками на берегу.

– Тетенька, – обратился Петя к сидящей впереди женщине с маленьким ребенком на руках. – Вы не подскажите, где будет Сосновка?

– А ты что, первый раз едешь? – вопросом на вопрос ответила та, повернувшись к нему.

– Да.

– Следи за нами. Как я буду сходить, то и ты выходи. Это и будет Сосновка.

– Спасибо, тетенька!

Откинувшись на спинку мягкого сиденья, Петька смотрел на дорогу, а мысли, одна мрачней другой вдруг стали приходить в голову. Их никто не ждет в Выселках. Все-таки за свои пятнадцать лет он привык, что о нем худо-бедно заботились, одевали, обували, была крыша над головой. А что впереди? Ладно бы один, а тут еще Аннушка. И за нее отвечать надо, обеспечить всем необходимым, ведь он – мужик, мужчина.

Все их рассуждения, планы в мечтах сводились к одному – уехать из интерната, добраться до Выселок. А дальше? Что есть? Что пить? Что одеть-обуть? А зима? Ну, ладно, дров каких-никаких можно найти. А где взять еду на всю зиму? Собирались сушить грибы-ягоды. А лес там есть? Мечтали работать. А где и кем? По сути, они же ничего не умеют делать. Все, чему учили на уроках труда, вряд ли пригодится в реальной жизни. И Петька, и Аннушка были хорошими учениками, их портреты несколько лет висели на Доске почета. А теперь кому нужна эта учеба – математика с физикой и химией?

От таких мыслей настроение испортилось, комок подкатил к горлу, не было желания смотреть по сторонам, наслаждаться свободой. Получается, всю жизнь мечтал об этой поездке, грезил ею, а случилась наяву – и все, не рад? Мальчик вздрогнул, отбросил эти мысли, как наваждение, опять улыбнулся взошедшему уже солнцу, бегущей навстречу дороге, мелькающим посадкам и полям.

– Хуже, чем в интернате, все равно не будет, – проговорил вслух и с опаской посмотрел вокруг – слышали или нет соседи?

– Вот по этой дороге прямо и прямо, – женщина с ребенком стояла на развилке и показывала Пете и Ане дорогу на Выселки. – Только я что-то не припомню, чтобы там кто-то жил.

– Живут, тетенька, уже живут, – весело ответил ей мальчик и направился в сторону заброшенной, забытой деревни, взвалив на плечи небольшой сверток с одеждой.

За ним, почти ступая след в след, шла небольшого роста, но крепенькая девчонка с удивительно рыжими волосами, что золотом горели в лучах полуденного солнца.

Бетонные опоры линии электропередач сиротливо, без проводов бежали ровной стрелой сквозь поля, уходили куда-то к горизонту, который сливался с темнеющим вдалеке лесом. Справа большой колесный трактор тащил за собой длинный плуг с прицепленными боронами, напоминая сказочное желтое огромное насекомое, по какой-то причине бегущее впереди собственных ног. Жаворонок застыл темной каплей в небесной лазури; грачи похозяйски проверяли работу пахаря, поругивались, важно расхаживая по свежему отвалу

земли. Небольшие, чахлые кустики полыни и чернобыла стояли вдоль дороги. Между ними пытались пробиться к солнцу, цеплялись за жизнь полевые ромашки, одуванчики. Запахи вспаханной земли, разнотравья висели в воздухе, смешивались между собой, пьянили.

– Ты довольна, Аннушка? – мальчик остановился, подождал девочку, взял из ее рук пакет. – Вот мы и дома! – сказал он, с восторгом оглядываясь вокруг.

– Ой, не спеши, Петя! – Аня явно не разделяла оптимизм своего друга. – Дома-то еще и не видно!

– Выше голову, Анютка! Смотри! – указал рукой в направлении убегающих к лесу столбов. – Видишь, виднеются крыши домов?

Девчонка остановилась, вглядываясь вдаль.

– Да, теперь вижу! Но это не обман зрения?

– А кто тебя должен был обмануть? – мальчик взял за плечи подругу, повернул к себе, заглянул в глаза. – Я, что ли?

– Нет, Петенька, что ты! Не о тебе речь, – она прижалась к нему, задрожала всем телом.

– Не бойся, родная моя! – мальчишка гладил ее по голове, целовал в душистые, шелковистые волосы. – Сейчас на земле есть только ты и я! И этот солнечный день – наш! И жаворонок в небе – наш! И все вокруг наше, наше, Анютка, Анечка моя любимая!

– Говори, говори, Петя, любимый, говори, не останавливайся, говори! Мне так приятно, легко, хорошо, как еще никогда не было! – исступленно шептала девочка, все сильней и сильней прижималась к парню, а слезы уже бежали, туманили глаза, но почему-то она не стеснялась их. Со слезами уходили тревоги, опасения, страхи за себя и ее любимого и ненаглядного Петю, самого близкого, самого родного человека на этой прекрасной весенней земле. На душе становилось легко, покойно, хотелось парить вместе с жаворонком, и оттуда, из небесной выси, поделиться со всеми, со всей землей своей радостью, своими чувствами!

К деревне подходили с опаской, осторожно ступая по почти заросшей травой улице. Слишком мрачной, грустной показалась она им. Некстати ворона раскаркалась на высокой старой березе, что стоит почти у самой дороги у развалин дома. Остовы печей, как часовые, выглядывали сквозь заросли бурьянов, одичавшей малины, крапивы. Журавель заброшенного колодца одиноко уставился в небо, поскрипывая куском оборванной цепи. Шелест листьев, как шепот из потустороннего мира, нарушал эту тягостную, больно бьющую по нервам тишину. Внезапно раздавшиеся весенние крики одичавших котов вспугнули ее, разорвали, напомнив, что и здесь когда-то бурлила жизнь.

– Мне страшно, Петя, я боюсь, – девчонка ухватила за руку мальчика, тесно прижалась к нему.

– Ну, что ты, трусиха, – Петя старался подбадривать ее и себя, но ему это плохо удавалось, голос подрагивал, срывался. – Не бойся, мы уже дома. Надо привыкать, – говорил отрывисто, с придыханием. – Сейчас пойдем на тот край деревни – там стоят еще целые дома. Все будет хорошо, вот увидишь.

И правда, несколько домов на этом краю еще можно было назвать домами, особенно вот этот, в начале улицы, обложенный кирпичом, с сохранившимися надворными постройками и без единого стекла в оконных рамах, со ставнями с облезлой краской. Шифер на крыше позеленел, в некоторых местах потрескался, готовый вот-вот упасть. Сорванная с петель калитка валялась тут же на входе во двор. В углу сквозь заросли травы выглядывало корыто, колесо от телеги торчало почти посреди двора. Вдоль стены лежала деревянная лестница. Ржавые ведра и тазики были разбросаны по всей территории. Сквозь густую траву еле проглядывала тропинка к дому. Дверь в дом была открыта, манила к себе и, одновременно, пугала.

Парень вдруг остановился, взволнованно закрутил головой, что-то отыскивая, как будто что-то вспомнив.

– Аня, – дрожащим голосом проговорил он. – Если вон за тем углом дома будет стоять качелька, то у нас все будет хорошо, очень хорошо, Аннушка!

– Ты это откуда знаешь? – его волнение передалось и ей. – Ты был здесь?

– Понимаешь, я всем говорил, что помню, как сквозь сон, бабушку, которая держала меня на руках, когда пришла милиция с тетеньками забирать меня в детский дом. Так вот, перед этим я качался на качелях и очень плакал, когда меня сняли с них. Я не помнил о них, а тут...

– Выходит ... – девочка не договорила, замолчала.

– Да, да, ты права, – продолжил мальчик. – Я плакал не потому, что меня забирали, а потому, что не дали покачаться на качелях. Они у нас стояли за домом. Если они там, то мы – дома! Я только сейчас вспомнил это, Аннушка!

– Я боюсь, – Аня замерла, прижав руки к груди, кулачками закрыв рот.

Глаза со страхом и ожиданием смотрели на Петю, который крадучись подходил к углу дома. На секунду замер, остановился, выглянул из-за угла и тихо опустился на землю. Девочка бросилась к нему, стала рядом на колени, прижалась всем телом. Счастливая улыбка озаряла лицо мальчика, он обнял девчонку, прижал к себе, и они вместе покатались по траве.

– Мы дома, дома, дома! – кричал Петя, осыпая поцелуями подругу. – Ура-а! Мы дома, дома!

На входе слева стояла русская печка. Напротив – стол-шкафчик с открытыми дверцами, выдвинутыми ящиками. Перевернутая сломанная табуретка сиротливо приткнулась к двери, что вела в переднюю хату. Отодвинув ее в сторону, Петя осторожно открыл дверь: печка-голландка вместе с перегородкой из фанеры разделяла избу на две половины. За печкой стояла поломанная детская кровать.

– Это твоя? – тихо спросила Анка, прикоснувшись к ней.

– Наверно, – так же тихо ответил Петя.

– Я даже не верю своим глазам, – девочка качнула кровать и она отозвалась, закачалась на своих ногах-качалках. – Это как в сказке!

– Не качай пустую кровать – дети болеть будут, – мальчик остановил ее, заглянул за печку.

В углу стояла кровать, спинка к спинке прижималась еще одна. Большой зал был пуст, только клочки бумаги да пыль на некогда крашеном полу говорили о том, что дом брошен давно и, кроме грабителей, ни одна живая душа не заходила сюда. С потолка свисали электрические провода без патронов, из стен вырваны все розетки. Только счетчик остался целым и невредимым, зарос густой пыльной паутиной.

– Петя, смотри, что я нашла, – Аня держала в руках небольшую рамку с черно-белой фотографией. На ней застыли пожилая женщина в светлом платье, сидящая на стуле, и мужчина с буденовскими усами, стоящий с ней рядом, положивший руку ей на плечо.

– Нет, я не помню, не могу вспомнить, – мальчик долго всматривался в застывшие лица, пытаясь хоть что-то воскресить в памяти. – Нет, не помню, – с досадой ответил он и вернул фотографию обратно. – Но ты ее не выбрасывай, сохрани, Аннушка. Раз она в нашем доме, значит, это наши родственники.

– Чьи наши, ты о чьих родственниках говоришь? – переспросила Аня. – Моих точно здесь нет.

– Наши, наши, твои и мои, значит – наши! – мальчик обнял ее, прижал к себе. – Отныне все наше – твое и мое!

– Ты как будто делаешь мне предложение? – кокетливо глянула на парня девчонка.

– Да я тебе давно его сделал, ты что, забыла?

– Это когда же?

– А помнишь первый класс, когда ты, стоя на парте, объявила нас братом и сестрой?

– Да, помню, но и что из того?

– Вот с этого времени все наше – твоё и моё! – повторил Петя и ещё сильнее прижал к себе девчонку. – И не спорь со мной.

Потом он ходил по заброшенной деревне, разыскивая стекла, вставлял их в рамы, убирал во дворе. Аня отыскивала где-то грязные чашки, кружки, ложки, чугушки, и теперь мыла их, оттирала песком, приводила в нормальный вид. Воду дырявым ведром доставали из колодца, приспособив к колодезному журавлю кусок толстой проволоки. Правда, до дома донести воду не получалось, пока мальчик не сообразил глиной заделать дырки в ведре.

На чердаке отыскивали какое-то тряпье, вытряхнули пыль, положили на кровать – хоть не голая сетка.

К вечеру в доме было самое необходимое для жизни: колченогий стол, прижатый к стенке; лавка, несколько табуреток, требующих небольшого ремонта, кое-какая посуда, чугушки и кровать. Ухваты девочка заботливо прислонила к печи. Сама печь, освобожденная от пыли и грязи, смотрелась если не ново, то вполне сносно. Так считали новые хозяева и были безумно счастливы их первому в жизни жилищу.

Проснулись от холода и дождя. Окна без стекол тепло не держали, а ночной дождь принес с собой свежую прохладу, сырость. Мальчик и девочка укрывались тряпьем, но все сильнее и сильнее дрожали от холода. А тут еще вода просочилась где-то в зале, и капли на удивление громко застучали по полу, постепенно переходя в струйки, мешали спать. Но всего сильнее хотелось есть, хотя до утра еще было далеко.

Небо на востоке только-только начало розоветь, солнце зацепилось где-то за лесом, все никак не хотело принести на землю свет и тепло. Предраассветный сумрак ещё цеплялся за ночь, никак не мог исчезнуть сквозь дырки в окнах.

Сыро. Темно. Голодно.

– Может, попробуем вскипятить чай? – Аня зябко ежилась от холода, сидела на кровати, свесив ноги. – Я чайник вчера вымыла в первую очередь.

– А чай есть? – Петя никак не решался скинуть с себя тряпье, тем более пойти на улицу за водой. – Еще чуть-чуть поспим, а?

– Нет, милый! Надо вставать! – девчонка соскочила с кровати и решительно направилась к печке. – За нас это никто не сделает, и никто нас жалеть не будет! Вставай, хозяин!

– И-и-э-э-эх! – Петя уже стоял посреди хаты на холодном полу, махал руками и ногами, пытаясь делать зарядку.

– Сбегай за водой и насобирай в печку дров, – распорядилась Аннушка. – А я буду думать, что приготовить на завтрак.

– Слушаюсь и повинуюсь, о, мой повелитель! – Петя раскланялся.

Анка поддержала парня, включилась в игру.

– Петр Сергеич! Вы будете бутерброд с черной икрой или с красной? Яйцо любите всмятку или вкрутую? Ветчину? Колбасу?

– Вы знаете, Анна Ильинична, что по утрам я ем только овсянку!

– А куда же бутерброды?

– Бутерброды отдайте прислуге!

И разразились звонким хохотом, то пританцовывая, то обнимаясь, то гоняясь по хате друг за другом.

Первые солнечные лучи осветили сначала верхушки деревьев, заблестели в капельках дождя на листочках и только потом упали на землю, стали согревать ее, легким парком удаляя остатки влаги из песка на улице, засеребрились, заискрились в мельчайших частичках пыли, что поднимали мальчик и девочка в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.